

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН:
ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Александр Солженицын: взгляд из XXI века : Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г. / сост. Л.И. Сараскина ; Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Правительство Москвы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская государственная библиотека, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. — М. : Русский путь, 2019. — 624 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-509-3

Сборник «Александр Солженицын: взгляд из XXI века» составили материалы докладов, прозвучавших на международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя и проходившей 10–12 декабря 2018 года в Российской государственной библиотеке (Пашков Дом) и в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. В сборник включены также выступления организаторов конференции — представителей Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Правительства Москвы, Российской государственной библиотеки и Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Авторы статей — филологи, философы, историки, искусствоведы, культурологи, литераторы, педагоги и переводчики книг Солженицына на иностранные языки из России, США, Великобритании, Австралии, Франции, Швейцарии, Швеции, Италии, Польши, Чехии, Венгрии, Сербии, Черногории, Китая.

Основными и приоритетными направлениями статей сборника стали темы, посвященные Солженицыну как исследователю и историку русских революций, как художнику и публицисту, чьи произведения оказали огромное влияние на самосознание российских и зарубежных читателей, на русскую и мировую литературы. Ряд сообщений посвящен недавно выявленным документам, письмам и свидетельствам, связанным с жизнью писателя, а также созданию архивов и музеев, посвященных ему.

УДК 82.0
ББК 83.3(2 Рос)6

Г. Пшебинда

«ЛЕГЧЕ ЖИТЬ ВО ВРЕМЕНА, КОТОРЫЕ ПОДАРИЛИ НАМ
ТАКОГО ПИСАТЕЛЯ»: ТВОРЧЕСТВО СОЛЖЕНИЦЫНА
ГЛАЗАМИ ГУСТАВА ГЕРЛИНГА-ГРУДЗИНСКОГО

Густав Герлинг-Грудзинский (1919–2000) — один из самых незаурядных польских прозаиков и эссеистов второй половины XX века — если и известен русскому читателю, то прежде всего благодаря довольно позднему переводу его основного труда — романа «Иной мир: Советские записки»¹. Писатель работал над этой книгой в Англии в период с июля 1949-го по июль 1950 года², будучи еще под сильным впечатлением от пребывания в советском лагере Каргополь (ст. Ерцево Архангельской обл.) с конца 1940-го по январь 1942 года. Роман впервые был опубликован по-английски в Лондоне в 1951 году, а предисловие к этому изданию написал известный британский либеральный философ Бертран Рассел. Когда через тридцать шесть лет после публикации на польском языке (1953) «Иной мир» впервые вышел по-русски (также в Лондоне), Герлинг-Грудзинский в специальном предисловии к русскому читателю вспоминал, что после англоязычной публикации один из рецензентов, высоко оценивая книгу, «заканчивал чем-то вроде предостережения, слегка ставя под сомнение ее достоверность ввиду “традиционно враждебного” отношения поляков к русским»³. Писатель решил рассказать русскому читателю о печальных судьбах своего *opus magnum* во Франции — в частности, о сложном рождении французского перевода романа. Сразу после выхода в свет английского перевода «Иного мира» французское издательство «Плон» («Plon») подписало договор на перевод романа на французский, а рекомендовал книгу к изданию выдающийся французский философ-экзистенциалист Габриэль Оноре Марсель. Герлинг впоследствии вспоминал, что Марсель принялся за дело с энтузиазмом, и вскоре в еженедельнике «Figaro litteraire» было опубликовано несколько обширных фрагментов «Иного мира». Однако вскоре из «Плона» пришло официальное письмо, в котором сообщалось, что — учитывая «отрицательную рекомендацию» других советников — издательство решило отказаться от публикации. Тогда Герлинг отправил англоязычный экземпляр романа в парижское издательство «Галлимар», самому Альберу Камю. Вскоре Камю ответил: «Ваша книга весьма мне понравилась, и я горячо поддерживал ее. Однако окончательное решение было негатив-

ным <...>. Я был глубоко разочарован таким решением; спешу заверить Вас, что, по моему мнению, эту книгу должно издавать и читать повсеместно — и с точки зрения темы, и с точки зрения содержания»⁴.

После смерти Альбера Камю во Франции было еще несколько безуспешных попыток издать «Иной мир». И лишь в 1980 году, когда самому Грудзинскому уже казалось, что надежды нет, английский перевод «Иного мира» прочел испанско-французский писатель Хорхе Семпрун, бывший узник Бухенвальда. В автобиографической книге «Какое прекрасное воскресенье!» («*Quel beau dimanche!*», 1980) Семпрун ссылается не только на ценимый им «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, но и на «Иной мир». Именно благодаря Семпруну в 1985 году роман Герлинга-Грудзинского увидел свет на французском языке. Комментарий Герлинга по поводу долгой истории французского перевода не лишен иронии: «Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что историю французского культурного истеблишмента следует разделить на две главы: до Солженицына и после Солженицына. В Англии, где “Иной мир” пользовался большим успехом у читателей и был хорошо принят критикой, одна из рецензий (впрочем, хвалебная) заканчивалась предостережением: “Но нельзя забывать, что написал эту книгу поляк, а ведь известно, чем являлась и чем является Россия *Under Polish Eyes*”⁵. И для автора “*Quel beau dimanche!*”, узника Бухенвальда, изгнанного из испанской коммунистической партии в 1964 г., подтверждением достоверности “Иного мира” в значительной степени служил рассказ об одном дне Ивана Денисовича...»⁶

Герлинг-Грудзинский в предисловии к русскому переводу «Иного мира» связывает факт долгого замалчивания своего романа во Франции с именем Сартра и с явным присутствием во французской издательской среде коммунистов и гошистов. А в том, что роман в конце концов стал доступен французскому читателю, писатель подчеркивает роль творчества Солженицына и Шаламова: «Тот, кто когда-нибудь возьмется писать историю послевоенной французской интеллигенции, должен будет посвятить в ней отдельную главу роли Солженицына — роли переломной, дающей все основания делить хронологию на периоды “до” и “после” Солженицына. Остальное довершил Шаламов — вероятно, величайший писатель советского “концентрационного мира”. <...> ...Надо осознать, как важно было, помимо писательского таланта Солженицына или Шаламова, еще и то, что слово о Гулаге было сказано его бывшими узниками — русскими»⁷.

Обращаясь к русскому читателю, Герлинг подчеркивает, что «Иной мир» по-русски, с одной стороны, обогатит уже существующую в России литературу о советских «мертвых домах», с другой стороны, возможно, поспособствует долгожданному примирению поляков с русскими:

«...Призраков прошлого не изгнать замалчиванием. Если что-то может сблизить поляков с русскими, то именно разговор вслух о причиненных обидах и сознание общего страдания. Это-то общее страдание, страдание всех эзков сталинской концентрационной империи, лежит у истоков “Иного мира”. Из общего страдания вырастает общая надежда»⁸.

В предисловии к московскому изданию романа Герлинг-Грудзинский говорил о примирении двух народов следующее: «Что же я могу сказать еще в кратком предисловии к московскому изданию? Ход событий в СССР превзошел мои ожидания двадцатипятилетней давности. Это наполняет меня глубокой радостью не только как автора, когда появляется любое новое издание его книги. Радость моя, если так можно выразиться, носит общественный характер, и уж если “Иной мир” выходит в Москве в издательстве “Прогресс” (вслед за изданными в СССР “Архипелагом ГУЛАГ” Солженицына и “Колымскими рассказами” Шаламова, то есть повторяет путь, проложенный этими двумя великими русскими писателями), то очевидно, что перемены, которые повлекла за собой “гласность”, позволив заглянуть в “зеркало прошлого”, являются необратимыми. Трудно переоценить значение этого факта для формирования действительно дружественных, по-настоящему правдивых и искренних польско-русских отношений. Пусть же издание книги “Иной мир” в Москве внесет свою лепту в развитие этого исторического процесса»⁹.

Стоит и сегодня напоминать о не сбывшихся пока надеждах, тем более что и московский издатель в 1991 году с одобрением пишет об идейной подоплеке романа «Иной мир» — именно в контексте «советско-польских отношений»: «Автор описывает свое пребывание в лагерях ГУЛАГа, где он разделил судьбу тысяч поляков, оказавшихся на территории СССР в начале II мировой войны. Отличительная особенность “Записок” Герлинга-Грудзинского заключается в том, что он не вынес чувства озлобленности против русского народа. Этот факт имеет важное значение для дальнейшего развития советско-польских отношений»¹⁰. В этой аннотации почти все соответствует духу Герлинга. Исключение составляет, однако, весьма существенный эвфемизм о «поляках, оказавшихся на территории СССР в начале II мировой войны». А ведь в большинстве своем поляки оказались на территории СССР (а многие из них затем — в тюрьмах и лагерях) лишь потому, что ранее — после заключения пакта Риббентропа — Молотова и событий 17 сентября 1939 года — СССР занял восточные районы возрожденной в 1918 году Польши. С июня 1940 года Герлинг — в то время 21-летний юноша — находился в тюрьме в Витебске, где большинство заключенных — «четыреста человек, набитые, как сельди в бочке» — были поляками. Один тамошний полковник НКВД — «огромный припудренный и залитый одеколоном

кабан» — заявил: «Как свинья никогда не увидит своих ушей, так и Вы, заключенные, никогда больше не увидите независимой Польши»¹¹.

В ноябре 1941 года, через четыре месяца после объявления в СССР амнистии в отношении поляков, содержащихся в советских лагерях¹², но так и не дождавшись освобождения, Герлинг-Грудзинский вместе с рядом заключенных соотечественников объявил голодовку, что уже само по себе — как явный акт бунта — было событием беспрецедентным. Впоследствии, в апреле 1976 года, в «Дневнике, написанном ночью» Герлинг записал: «Помню нашу польскую голодовку в ноябре 1941 года, реакцией на нее был ужас, лагерь отшатнулся от нас, как от зачумленных»¹³. Здесь следует особо подчеркнуть, что это воспоминание всплыло в памяти Герлинга под влиянием прочтения в подлиннике третьего тома «Архипелага ГУЛАГа», который увидел свет в Париже в 1975 году. Назвав «Архипелаг...» «книгой века», Герлинг констатировал: «...Всего около двух тысяч страниц. Поразителен и достоин рефлексии наш “век неминуемого прогресса”, увиденный с перспективы “революционного Востока”: темой памятника, который воздвиг ему величайший из современных русских писателей, является *тюремная цивилизация*¹⁴ (по определению Надежды Мандельштам). <...> Глядя на его заверченный труд сегодня, следует говорить не о “памятнике”, а об огромном бесформенном кургане, выросшем над раскопками “века-волкодава” (по определению Осипа Мандельштама)»¹⁵.

Говоря о внимании в 1962–1989 годах интеллектуальных кругов польской эмиграции в Париже к творчеству А.И. Солженицына, в том числе и со стороны Густава Герлинг-Грудзинского¹⁶, следует напомнить, что с начала 1970-х годов редактор Ежи Гедройц издавал в серии «Библиотека “Культуры”» основные его произведения: «В круге первом» (1970), «Раковый корпус» (1971) и «Архипелаг ГУЛАГ» (1974–1978), тогда как «Матрёнин двор» в переводе на польский язык был опубликован у Гедройца в 1963 году в сборнике «Собственными глазами: Антология современной советской литературы». В предварявшем антологию предисловии под весьма аллюзивным заглавием «Книга кривд» Густав Герлинг-Грудзинский, будучи под сильнейшим впечатлением от «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрёниного двора» и «Случая на станции Кречетовка», высказывался в защиту современных советских «униженных и оскорбленных»: «Героями, жертвами в его рассказах стали темный колхозник Иван Денисович, неграмотная крестьянка Матрёна, беспартийный актер из Москвы»¹⁷. В 1963–1969 годах Герлинг-Грудзинский написал о Солженицыне еще три обстоятельных статьи: «Егор и Иван Денисович»¹⁸, «Русский реализм»¹⁹ и «Час истины»²⁰. В первой публикации были проведены параллели между главным героем рассказа Солженицына и одним из персона-

жей «из народа» книги «Остров Сахалин» Чехова. Во второй Герлинг-Грудзинский рассуждал об имманентной полифоничности только что опубликованного тогда на Западе романа «В круге первом». В третьей статье главные герои «Ракового корпуса» были представлены не столько в контексте их нравственных и политических убеждений или в жизненной позиции, сколько в индивидуальном поведении в «час истины», т.е. в момент личной смерти²¹.

Осенью 2016 года в ежемесячном журнале «Новая Польша» был наконец опубликован переведенный на русский язык «Диалог о Солженицыне» Герлинга-Грудзинского с его итальянским другом — эссеистом, политическим деятелем, антифашистом и антисталинистом Николой Кьяромонте²². Этот польско-итальянский диалог о русском писателе советской эпохи, впервые опубликованный на польском языке в 1971 году в Париже²³ и представляющий всесторонний, глубокий анализ смысла творчества в целом и художественной прозы Солженицына в частности, не утратил актуальности и интеллектуальной ценности и сегодня. В живом разговоре Кьяромонте и Герлинга затрагивались вопросы, говоря языком Достоевского, «исторические и вековечные» — проблема внутренней свободы человека в тоталитарном мире, судьба России в настоящем и будущем, бессмертие человеческой души. Герлинг подчеркивал, что Солженицын является писателем прежде всего религиозным, универсальным, с большим уважением относящимся к человеческой личности: «Люди, у которых отняли, казалось бы, все, открывают в себе несравнимо большие духовные резервы, чем те, у которых, казалось бы, все есть. В сущности, единственная тема лучших произведений Солженицына — это последнее, пограничное испытание человечности. За минуту до смерти Шулубин из “Ракового корпуса” чувствует <...> что есть в нем “что-то уж очень неистребимое, высокое очень, какой-то осколочек Мирового Духа”. Что такое этот “осколочек”? Что есть в нас неистребимое и высокое? Такие вопросы, придающие смысл и жизни, и литературе, все реже задает себе современный человек в нормальных условиях. Это вопросы религиозные, даже если человек и не верит в Бога. Поэтому приходится слышать о Солженицыне как о писателе, типичном для “религиозного вливания”, каким в 1956–1957 гг. стало для СССР массовое возвращение каторжников после долгих лет страданий из тюрем, лагерей и ссылок. Я бы не пренебрегал этим утверждением. Не имеет значения, является ли и в какой мере Солженицын писателем сознательно религиозным, главным мне кажется его чувство долга, без которого не может существовать человеческий мир. В небольшом шедевре “Пасхальный крестный ход” сильнее, может быть, чем изображение хулиганства молодежи, посланной в Переделкино, поражает образ ясных и чистых лиц в праздник Светлого Воскресения. Конечно,

эти несколько страниц мог написать только большой художник»²⁴. По мнению Герлинга-Грудзинского, Солженицын возвращает значение таким девальвированным, в чем-то даже архаичным на Западе второй половины XX века ценностям, как «душа, личность человека, добро и зло, справедливость, честность, любовь, правда, жажда бессмертия»²⁵.

Польско-итальянский диалог Герлинга – Кьяромонте о Солженицыне, несмотря на то что окончательный текст его был опубликован только в апреле 1971 года, произошел – вне всяких сомнений – еще до присуждения русскому писателю Нобелевской премии 8 октября 1970 года, поскольку в нем нет упоминаний об этом событии. Поэтому стоит вспомнить, что эта престижная награда была присуждена Солженицыну именно за то, о чем шла речь в «Диалоге...»: «за нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию великой русской литературы»²⁶.

Наталья Горбаневская, переводчик «Иного мира», в 1991 году опубликовала в парижском журнале «Континент» запись своей беседы с Ежи Гедройцем, главным редактором «Культуры». В ответ на выражение Горбаневской радости в связи с тем, что ее перевод романа Герлинга скоро будет опубликован в Москве, Гедройц отвечал: «Да, здесь огромное поле деятельности для нас. Вот вы упомянули Герлинга-Грудзинского – для меня его книга чрезвычайно важна, и не только в силу таланта, а тем, что вот человек, который прошел лагеря, столько перестрадал и не испытывает никаких антирусских чувств – общечеловеческие ценности для него важнее. Вот подход, который нужно защищать и пропагандировать. Чего я больше всего боюсь, это как раз всяческих раздутых национализмов. Боюсь, как бы борьба с советизмом, с советизацией, с коммунизмом не превратилась в антирусскую борьбу. Подобные массовые настроения крайне опасны, и мы должны против них бороться»²⁷.

В июле 2000 года, публикуя в парижской «Русской мысли» статью, посвященную недавно скончавшемуся в Неаполе Герлингу-Грудзинскому, Горбаневская также подчеркивала высокий художественный уровень «Иного мира», сравнивая его с «Записками из Мертвого дома» Достоевского и «Архипелагом...» Солженицына и с великим одобрением отметив веру Герлинга «в Россию, которая не сдалась»: «Думаю, писателем Густава Герлинга-Грудзинского окончательно сделал лагерь – и прочтенные там “Записки из Мертвого дома”. Его “Иной мир” – “Мертвый дом” тоталитарного века. Это не мемуары и не документальная повесть – это высокого класса художественная проза, одна из немногих досолженицынских книг о лагерях, к которой смело можно применить солженицынский термин “художественное исследование”. <...> Вера в Россию, которая не сдалась и в силу русской литературы навсегда сделала Герлинга польским другом русских»²⁸.

Еще в августе 1972 года, когда западные газеты только начинают публиковать фрагменты «Нобелевской лекции» Солженицына, Герлинг-Грудзинский с особенным одобрением подчеркивает защиту русским писателем свободы литературы: «...Легче жить во времена, которые подарили нам такого писателя»²⁹. Когда в начале 1974 года Солженицын, обвиненный в измене родине и приговоренный к высылке из СССР, твердо заявляет, что он еще «сюда вернется», а будучи в изгнании, постоянно подчеркивает, что коммунизм неизбежно обречен на крах, то большинство западных интеллектуалов относятся к этим «миражам» с иронией, которая лишь усиливается после обнародования солженицынского «Письма вождям Советского Союза». В этой ситуации Герлинг-Грудзинский, наоборот, неизменно выступает, в том числе и в публичных дискуссиях в Италии, как «польский адвокат вермонтского пророка»³⁰.

К событиям того времени Герлинг возвращался, в частности, в своих воспоминаниях осенью 1994 года, через полгода после возвращения Солженицына в новую Россию. Следует добавить, что несколькими месяцами ранее — 3 июня 1994 года, отвечая в Варшаве на вопрос о своей оценке «стиля репатриации» Солженицына, проехавшего от Колымы до Москвы, — Герлинг не скрывал беспокойства, вызванного «миссионерским стилем» этого возвращения³¹. Однако 20 ноября 1994 года, после известной речи Солженицына в Государственной думе, польский внимательный наблюдатель — явно симпатизирующий великому русскому возвращенцу — был уже иного мнения: «Мои опасения развеяло выступление Солженицына в Пятой Государственной думе. Спокойное, трезвое, скромное, возможно, чрезмерно избилующее подробностями в момент, требующий более широкой перспективы, возможно, недостаточно озабоченное глубоким государственным кризисом и бессилием власти, чересчур “стольпинское”, однако достаточно ярко акцентирующее необходимость *морального* возрождения после падения коммунизма. <...> Со временем станет очевидно, что выбор Солженицына был правильным, более того — единственным в ситуации тяжелого, длительного процесса целительного освобождения от советского наследия»³².

Проблема «миссионерства» Солженицына — в представлении Герлинга-Грудзинского — заслуживает отдельного внимания, поскольку польский писатель и мыслитель, критикуя своего русского, так близкого ему оппонента, связывал эту тему с еще более фундаментальной проблемой критики современного Запада «пророками» из Восточной Европы. 27 августа 1993 года, впервые критически высказываясь об «апокалиптических мотивах» в критике Солженицыным Запада, прозвучавшими особенно громко в его «Гарвардской речи» (1978), Герлинг-Грудзинский отмечал схожесть антизападных диагнозов рус-

ского писателя с подобными высказываниями о современном Западе папы римского Иоанна Павла II: «Оба они очень во многом правы, и тем не менее... И тем не менее будто бы не видят, что нарисованная ими мрачная картина тяжкого духовного недуга Запада, бездумно купающегося в материальном достатке, приведет нас к двум роковым явлениям. Во-первых, в нашей восточной части Европы она может создать впечатление, будто мы, несмотря ни на что, лучше; а это попросту иллюзия, и даже ложь — достаточно учесть хотя бы одно различие, а именно тот факт, что сила нашей духовной дезориентации и деградации, нашего кризиса ценностей в настоящее время значительно уступает силе западного благосостояния. К чему нам точно не стоит стремиться в этом море проблем и сложностей, так это к всплеску национальной мегаломании: апокалипсис русского пророка и польского папы римского должен принимать это в расчет. Во-вторых, мы не можем (и уж тем более не могут этого соотечественники Солженицына) позволить себе миссионерские амбиции»³³.

В самом начале 1970-х годов начинается и главная идейная полемика Герлинга с Солженицыным — о проблеме соотношения (премущественности или фундаментального отличия) между традицией царской России и советской реальностью. Спор начался 5 июля 1971 года — именно тогда в «Дневнике, написанном ночью» появились первые записи о только что изданном в Париже «Августе Четырнадцатого» Солженицына. Герлинг отмечал некоторое композиционное сходство исторического романа Солженицына с «Войной и миром» Толстого и одновременно совершенную противоположность «Августа...» эпопее Толстого на уровне идейного замысла. В качестве иллюстрации данного тезиса послужила цитата из 40-й главы солженицынского произведения: «И тут бы утешиться нам толстовским убеждением, что не генералы ведут войска, не капитаны ведут корабли и роты, не президенты и лидеры правят государствами и партиями, — да слишком много показал нам XX век, что именно они»³⁴.

Данная констатация, действительно существенная для понимания Солженицыным исторического процесса, формулируется в романе сразу после рассуждений повествователя о слабых боевых качествах генералов царской армии в момент великой катастрофы 1914 года. Для Герлинга-Грудзинского данное убеждение Солженицына — действующие политики и военачальники в большей степени, чем местная историческая традиция, влияют на настоящее и будущее конкретной нации и страны — было явным доказательством, что «великий и мужественный писатель» переоценивает роль личности в истории. Герлинг в свойственной «Дневнику...» эссеистской, далеко не академической форме подытоживает свою полемику с Солженицыным замысловатой

в стилистическом смысле фигурой: «Оспаривание “толстовского убеждения” имеет еще и такой дополнительный эффект: разгром в Восточной Пруссии подается читателю едва ли не как гром с ясного неба: с одной стороны, плохие, трусоватые “кормчие”, с другой – хороший, патриотически настроенный “народ”»³⁵. Здесь скрыто характерное для Герлинга и совершенно противоположное якобы волюнтаризму Солженицына убеждение, что национальная традиция влияет на актуальный исторический процесс в конкретно взятой стране в большей степени, чем личность или группы личностей. В известном споре Солженицына с Сахаровым о масштабах влияния марксистской идеологии на современную политику и общественную жизнь в СССР Герлинг явно стоял на стороне Сахарова³⁶. Следовательно, источники советского тоталитаризма он искал не в рожденной на Западе марксистской идеологии, но в определенных сегментах «традиции русской»³⁷.

Знаменательно, что польский писатель, активно ангажируясь в международную дискуссию о сути советского строя и русской традиции, представляет свои убеждения в контексте отнюдь не теоретической для него проблемы способности и возможности Польши освободиться от коммунизма. Стоит здесь напомнить, что Герлинг-Грудзинский формулирует свои мысли в октябре 1983 года, т. е. спустя почти два года после подавления польскими властями выступления «Солидарности», когда демократическая оппозиция в Польше вновь ищет возможности освобождения страны из-под власти коммунистов. Автор «Дневника...» решительно не верит, что такое освобождение сможет произойти в Польше в изоляции от процессов, происходящих в самом СССР, и поэтому повторяет за американским историком Мартином Малиа: «Большинство поляков осознает сейчас, но не осознавало этого в 1980 и 1981 гг., что не существует решения их дилеммы в рамках самой Польши: что-то должно сдвинуться с места в Советской империи»³⁸. Такие убеждения Герлинга-Грудзинского явно противоречат всякому детерминизму по отношению к будущему России, поскольку он всегда верит, что и она имеет достаточно внутренней силы, чтобы освободиться от рабства: «Я бы как раз хотел, чтобы читатели польского издания “Иного мира” восприняли его именно так, не слишком прислушиваясь к “специфически русским” отголоскам, хотя в определенной степени за ним стоят “Записки из Мертвого дома” Достоевского. Я не верю в непоколебимую “национальную предрасположенность”, зато верю в действие истории и в способность людей ее творить, во всяком случае в определенной степени»³⁹.

29 августа 1989 года Герлинг-Грудзинский удовлетворенно отмечает в «Дневнике...», что одновременно с появлением в московском «Новом мире» первых фрагментов «Архипелага ГУЛАГа» варшавское

издательство «Читатель» («Czytelnik») выпускает огромным тиражом роман «Иной мир»: «Для меня совпадение это очень значимое, даже символическое»⁴⁰. Год спустя польский писатель одобрительно отозвался о только что увидевшем свет эссе Солженицына «Как нам обустроить Россию?» (1990). Сначала Герлинг замечает, что «русский Давид» (Солженицын) — несомненно, ввиду опасений анархии и повторения 1917 года — хочет даже в чем-то поддержать еле держащегося на ватных ногах советского Голиафа. В то же время, по наблюдению Герлинга, Солженицын настоятельно рекомендует советскому руководству — в рамках «постулата самоограничения» — отпустить на свободу не менее одиннадцати советских республик. Что касается Украины и Беларуси, то «Солженицын призывает, *только призывает*, чтобы они остались в союзе с Россией»: «Не пренебрегает тем, чтобы давать политические советы, однако прежде всего выступает как моралист. <...> Профессиональные политики, вероятно, пожмут здесь плечами и всплеснут руками по поводу “наивности” Солженицына. Я полагаю моралистические рассуждения Солженицына самым ценным, что есть в брошюре. <...> Солженицын исключительно справедливо воздает должное “демократии малых пространств”, верно придает огромное значение провинции и самоуправлению на низших ступенях, понимает воспитательную необходимость непосредственного участия человека в развитии небольших, связанных социальными и моральными узами сообществ. Он ссылается при этом на старые русские модели, не скрывая одновременно, как много дало ему пребывание в Швейцарии, в кантоне Аппенцель»⁴¹.

Однако не во всем, что касалось Солженицына, — особенно после возвращения писателя в Россию — Герлинг-Грудзинский проявлял достаточную проницательность и внимательность. Когда, например, цикл останкинских встреч был внезапно прерван телевизионным руководством 24 сентября 1995 года⁴², Герлинг уже 29 сентября — ссылаясь на статью Ирины Иловайской-Альберти, главного редактора парижской «Русской мысли», в «одной из крупных итальянских газет»⁴³ — записывает в своем «Дневнике...»: «Из близких Солженицыну русских эмигрантов Ирина Иловайская была с ним наиболее дружна, яростно и умно защищала его от мелочных нападок и придинок эмигрантских кругов, восхищалась им и читала, как Иоанна Павла II (это она сопровождала писателя во время его памятного визита в Ватикан), прекрасно владевшая многими языками, она три года провела в Вермонте в качестве его секретаря <...>. Ирина Алексеевна справедливо осуждает то, как Останкино отделалось от Солженицына; даже к уволенному сторожу обычно относятся с большим уважением. Это не мешает дружившей с Солженицыным Иловайской указывать на неуклонное снижение качества его пятнадцатиминутных “Встреч” раз в две недели. Главные упреки мож-

но свести к четырем пунктам. Во-первых, речи Солженицына утратили прежний пророческий и ораторский масштаб. Во-вторых, они уже не обращены к русской интеллигенции, которую писатель оценивает все более критически, и превратились в наивные проповеди, адресованные так называемому “народу”. В-третьих, его мечта о великой возрожденной России заслонила образ российской реальности. В-четвертых, будучи озабоченным судьбой российских меньшинств в независимых республиках (Украина, Казахстан), он не уделяет внимания положению и антироссийским обидам местного большинства в этих республиках. Было замечено, что его интервью для зарубежной прессы сильно превосходили то, что он говорил русским. Поскольку “Русская мысль” регулярно печатала тексты телевизионных выступлений на ОРТ⁴⁴, могу полностью подтвердить суровое, хоть и исполненное уважения (если не восхищения) мнение Ирины Алексеевны»⁴⁵.

Не включаясь никоим образом в действительно трудную и многосложную дискуссию о судьбе русского меньшинства на Украине и в Казахстане после 1991 года, стоит, однако, отметить некоторую сумбурность как самого приведенного Герлингом фрагмента из статьи Иловайской, так и контекста, в котором данный фрагмент был воспроизведен. То, что Герлинг написал о связях Иловайской с Солженицыным, безусловно, соответствует действительности, но в данном контексте тем более странной выглядит критика Иловайской и Герлингом останкинских встреч Солженицына. Ведь Солженицын никогда раньше не обращался лишь к одной «интеллигенции» — тем более непонятно, почему его цикл мини-лекций, полных страсти и боли за судьбу России на переломе тысячелетий, его постоянная активная защита «униженных и оскорбленных» (они же — «русский народ») должны возбуждать в столь высокоинтеллектуальных наблюдателях, как Иловайская и Герлинг, мысли о «наивном народопоклонстве» Солженицына и «утрате им прежнего пророческого и ораторского масштаба». Достаточно обратиться к соответствующим номерам парижской «Русской мысли» или прослушать фрагменты 15-минутных телевизионных выступлений Солженицына, чтобы сразу отметить полную адекватность формы и содержания его высказываний. Следует напомнить, что с апреля по сентябрь 1995 года Солженицын говорил на Останкине в течение 180 минут «об острейших, больных проблемах России: о реальном вымирании народа, в год по миллиону человек; о положении деревни; о фальшивости избирательной системы, которая не может обеспечить честных выборов; о детях, школьной реформе и учителях; о брошенных соотечественниках; о том, что без народного самоуправления Россия не встанет на ноги»⁴⁶. Одним словом, обо всем том, что должно быть близко и Иловайской, и Герлингу.

* * *

На протяжении долгого времени — с 1963-го по 2000 год — Густав Герлинг-Грудзинский живо реагировал практически на все художественные произведения Солженицына, начиная с произведений малой формы — «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Матрёнин двор» (1963), «Случай на станции Кречетовка» (1963) и «Пасхальный крестный ход» (1966) — и заканчивая крупными произведениями: «Раковый корпус» (1968), «В круге первом» (1968), «Август Четырнадцатого» (1971) и «Архипелаг ГУЛАГ» (1973–1975). Откликнулся Герлинг и на первые произведения Солженицына из цикла двучастных рассказов — «Эго» и «На краях» (оба — 1995). Знаменательно, что два последних упомянутых произведения вовсе не только не вызвали у польского писателя прежнего восхищения — наоборот, он отнесся к ним с суровой критикой. Вину за соотнositельно невысокий, по его мнению, художественный уровень этих рассказов Герлинг возлагал на усталость Солженицына от двадцатилетней работы над неудавшимся «Красным Колесом». Оно же «убило в русском писателе рассказчика»... Уже в 1971 году, анализируя в «Дневнике...» опубликованный в Париже «Август Четырнадцатого», Герлинг не упустил случая высказать ряд критических замечаний об этом историческом романе Солженицына. Оценив отдельные, великолепные сцены первого исторического «Узла» (самоубийство генерала Самсонова, похороны полковника Кабанова), в целом Герлинг романа не принимал, считая его «растянутым, детальным, местами педантичным трактатом об искусстве военного дела, в котором изумляют и поражают не столько познания Солженицына как военного историка, сколько его сдержанность как повествователя»⁴⁷.

В 1996 году эта критика зазвучала еще острее: «Начиная с первого “узла” было ясно, что важнее литературы для Солженицына история. Завороженный имеющимися и собранными историческими материалами, он в первозданном виде — документы, протоколы — набивал ими свою эпопею, совершенно не заботясь о том, выдержит ли композиция, не рухнет ли. Важнее всего для него было “восстановить правду”, “воссоздать оболганную историю”. На то, однако, существуют исторические исследования, а не романские “узлы”. <...> Его “Красное Колесо” больше листали, чем читали <...>. Было бы очень жаль, если бы оказалось, что прикованный к веслу галерник “Красного Колеса” перестал быть писателем. А именно такое впечатление производят два новых рассказа: один о крестьянском бунте во время революции, второй о Жукове, с драгунской юности до маршальского жезла, крушения и смерти. Они воспринимаются, как две длинные сноски пегитом к (гипотетическому) продолжению или альтернативной версии “Красного Колеса”. Полностью отсутствует тонкость описаний, психологическая глубина, восхищавшие

в “Одном дне Ивана Денисовича”, в мастерском “Матрёнинном дворе”, в таких романах, как “В круге первом” и “Раковый корпус” — и даже в “Архипелаге” <...> Так что, возможно, лучше бы автору “Красного колеса” немного передохнуть от трудов и смыть с себя кровавый пот историка. А после — написать прекрасный рассказ, в стиле “Матрёнинного двора”, о своем возвращении из изгнания на родину; ведь оно оказалось не таким, как он, вероятно, ожидал, а может, и мечтал»⁴⁸.

Безусловно, право прошедшего лагеря и эмиграцию Герлинга критиковать своего великого русского коллегу, почти ровесника, является неотъемлемым — тем более что в самых важных вопросах — и экзистенциальных, и исторических — Герлинг решительно вставал на сторону Солженицына. В то же время сложно отделаться от ощущения, что польский писатель лишь пролистал тома «Красного Колеса». Вкупе же со множеством других упреков в адрес вернувшегося в Россию Солженицына это ощущение становится явным доказательством собственных разочарований и поражений Герлинга, связанных с ситуацией в новой Польше, особенно после возвращения во власть в 1993 году бывших коммунистов. Когда Герлинг 22 мая 2000 года — за полтора месяца до своей смерти — на встрече в Варшаве с редакцией католического ежемесячника «Связь» («Więź») задается вопросом, почему «Солженицын, который в конце концов вернулся на родину, так быстро перегорел. Теперь никто не обращает на него внимания»⁴⁹, создается впечатление, что и в этом контексте он думал в какой-то степени также и о самом себе. Неслучайно 20 мая 1999 года — в день своего 80-летия — Герлинг писал с присущей ему самоиронией: «Может, именно это имела в виду Гражина Борковская, знаток моего прихотливого творчества и довольно прихотливой психологии, заключая свое эссе “Высокомерная башня” в “Общем еженедельнике” [“Tygodnik Powszechny”] загадочным выводом: “В политической публицистике Герлинга появился в последнее время новый мотив; писатель требует не только наказания для виновных, но и награды для достойных”»⁵⁰.

Несомненно, важной частью заслуженной награды Александру Солженицыну остается неизменная актуальность многого из того, что написал о нем за тридцать семь лет Густав Герлинг-Грудзинский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир: Советские записки / пер. с польск. Н. Горбаневской. Лондон: Overseas Publ. Interchange Ltd, 1989. Российское издание было выпущено издательством «Прогресс» в 1991 году в Москве.

² См.: Херлинг-Грудзинский Г., Титков А. Дневник, пишущийся под вулканом // Новая Польша. 2001. № 11 (25). С. 65.

³ Герлинг-Грудзинский Г. Предисловие автора к русскому изданию // Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир: Советские записки. Лондон: Overseas Publ. Interchange Ltd, 1989. С. 8.

⁴ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą // Kultura. 1985. № 3 (450). S. 21–22. Все цитаты из «Дневника, написанного ночью» мы приводим в специально сделанном для этой статьи переводе Ирины Адельгейм, за что и выражаем переводчику глубокую благодарность.

⁵ Здесь явный намек на книгу «Глазами Запада» («Under Western Eyes») Джозефа Конрада, английского писателя польского происхождения, который на протяжении всей творческой жизни отрицательно высказывался обо всем русском.

⁶ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą // Kultura. 1985. № 3 (450). S. 22.

⁷ Герлинг-Грудзинский Г. Предисловие автора к русскому изданию. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Герлинг-Грудзинский Г. К московскому изданию // Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир: Советские записки / пер. с польск. Н. Горбаневской. М.: Прогресс, 1991. С. 6.

¹⁰ [Аннотация издателя] // Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир: Советские записки. М.: Прогресс, 1991. С. 4.

¹¹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą // Kultura. 1975. № 7–8 (334–335). S. 11. Фразу курсивом Герлинг приводит по-русски.

¹² Амнистия была объявлена на основании соглашения Сикорского – Майского от 30 июля 1941 года о восстановлении дипломатических отношений между Польшей и СССР, расторгнутых после вторжения Красной армии на территорию Польши 17 сентября 1939 года.

¹³ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą // Kultura. 1976. № 7–8 (346–347). S. 28.

¹⁴ У Герлинга по-русски.

¹⁵ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą // Kultura. 1976. № 7–8 (346–347). S. 28.

¹⁶ См.: Пшебинда Г. Солженицын и Польша. Годы 1962–1989 // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2016. Вып. 5. С. 168–175.

¹⁷ Herling-Grudziński G. Księga krzywd // We własnych oczach: Antologia współczesnej literatury sowieckiej. Paryż: Instytut Literacki, 1963. S. 13–14.

¹⁸ Idem. Jegor i Iwan Denisowicz // Herling-Grudziński G. Drugie przyjscie oraz inne opowiadania i szkice. Paryż: Instytut Literacki, 1963. S. 244–250.

¹⁹ Idem. Realizm rosyjski // // Herling-Grudziński G. Upiory rewolucji: Eseje. Paryż: Instytut Literacki: 1969. S. 115–128.

²⁰ Idem. Godzina prawdy // Ibid. S. 129–137.

²¹ Ibid. S. 131, 133.

²² Кьяромонте Н., Герлинг-Грудзинский Г. Диалог о Солженицыне // Новая Польша. 2016. № 9 (188). С. 67. URL: <https://novpol.org/ru/N1PDHnvnZ/Dialog-o-Solzhenicine> (дата обращения: 11.12.2018).

²³ Chiaromonte N., Herling-Grudziński G. Dialog o Solżenicynie // Kultura. 1971. № 4 (283). S. 3–10.

²⁴ Кьяромонте Н., Герлинг-Грудзинский Г. Диалог о Солженицыне. С. 67.

²⁵ Там же. С. 66.

²⁶ Сараскина Л. Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2018. С. 639.

²⁷ Это вселяет надежду / Беседу с главным редактором журнала «Культура» Ежи Гедройцем ведет Наталья Горбаневская // Континент. 1991. № 86. С. 381.

²⁸ Горбаневская Н. Друг, писатель, зек: Памяти Густава Герлинга-Грудзинского // Русская мысль. 2000. 13–19 июля. № 4326. С. 9.

²⁹ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1972. № 10. S. 301. Знаменательно, что в этом же номере парижской «Культуры» была также опубликована целиком «Нобелевская лекция» Солженицына – в польском переводе Михаила Каневского (Ежи Помяновского).

³⁰ *Idem.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1995. № 4. S. 27.

³¹ Od gułagu do Neapolu: Rozmowa z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim // *Więź*. 1994. № 9 (431). S. 22. Герлинг, не имея, видимо, доступа к источникам, повторяет здесь только ярлыки о «миссионерстве» Солженицына, явно не замечая уже тогда четко прозвучавшего в речах автора «Архипелага ГУЛАГа» воззвания к нравственности в политике. См.: *Przebinda G.* Aleksander Sołżenicyn na kresach Rosji // *Literatura rosyjska w nowych interpretacjach. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego*. Katowice. 1995. № 1539. S. 118–129.

³² *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1995. № 4. S. 27–28. См.: *Przebinda G.* Sołżenicyn, Duma i okolice // *Tygodnik Powszechny*. Kraków. 1994. 13 listopada. № 46 (2366). S. 16.

³³ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1993. № 11 (554). S. 22.

³⁴ *Солженицын А.* Август Четырнадцатого. Париж: YMCA-Press, 1971. С. 350; *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1971. № 12 (291). S. 90.

³⁵ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1971. № 12 (291). S. 90–91.

³⁶ См.: *Ibid.* 1975. № 4 (331). S. 124.

³⁷ *Ibid.* 1974. № 9 (324). S. 149.

³⁸ *Ibid.* 1983. № 12 (435). S. 22.

³⁹ *Ibid.* 1981. № 6 (405). S. 32–33.

⁴⁰ *Ibid.* 1989. № 10 (505). S. 29.

⁴¹ *Ibid.* 1990. № 12 (519). S. 23.

⁴² См.: *Сафаскина Л.* Солженицын. С. 846.

⁴³ Нам удалось установить, что статья И.А. Иловайской-Альберти была опубликована 27 сентября 1995 года в популярной туринской газете «Стампа». См.: *Alberti I.* Perché lo scrittore russo è clamorosamente diventato impopolare nel suo Paese // *Stampa*. 1995. 27 Settembre. № 262. P. 16.

⁴⁴ Не так уж регулярно – из двенадцати выступлений «Русская мысль» опубликовала четыре. Серия началась в еженедельнике «Русская мысль» публикацией «Россия на пути к выборам» (1995. 27 апр. – 3 мая. № 4075. С. 8), а окончилась текстом «Судьба русских в ближнем зарубежье» (1995. 28 сент. – 4 окт. № 4094. С. 9).

⁴⁵ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1996. № 1–2 (580–581). S. 30.

⁴⁶ Встречи с А.И. Солженицыным (1995) // Культурно-просветительский интернет-портал «Александр Исаевич Солженицын». URL: <http://www.solzhenitsyn.ru/mediateka/tvcasts/1335/> (дата обращения: 11.12.2018).

⁴⁷ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą // Kultura. 1971. № 12 (291). S. 19.

⁴⁸ *Idem.* Dziennik pisany nocą, 1993–1996. S. 582–583.

⁴⁹ O Polsce, o polityce, o Papieżu i o Rosji: Ostatnia rozmowa «Więzi» z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim // *Więź*. 2000. № 10 (504). S. 36.

⁵⁰ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą 1997–1999. Warszawa: Czytelnik, 2000. S. 300.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
----------------------	---

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Российская государственная библиотека (Пашков Дом)

10 декабря 2018

Выступления:

М.В. Сеславинский	9
Н.Д. Солженицына	13
В.П. Лукин	15
С. Фредриксон	18
О.Г. Духовницкий	19

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Российская государственная библиотека (Пашков Дом)

10 декабря 2018

Знаки судьбы

<i>Е.Г. Водолазкин. Пророк и его Отечество</i>	<i>20</i>
<i>М. Николсон. Десятилетние вехи литературного пути Александра Солженицына</i>	<i>24</i>
<i>Р. Темпест. Полет грифона, или Александр Солженицын как антолог русской литературы</i>	<i>32</i>
<i>Л.И. Сараскина. Диалоги с властью: логика, стилистика, последствия</i>	<i>45</i>
<i>В.А. Котельников. Социально-историческая диагностика и прогностика Солженицына</i>	<i>57</i>
<i>Ж. Нива. Архаизм и новаторство в творчестве Солженицына</i>	<i>66</i>
<i>Ф.А. Лукьянов. Полифония Солженицына</i>	<i>73</i>
<i>Е.А. Тахо-Годи. А.Ф. Лосев и А.И. Солженицын: биографические и историософские схождения</i>	<i>75</i>
<i>Дж. Парфавичини. М.В. Юдина. От М.М. Бахтина до А.И. Солженицына: в защите подлинного слова</i>	<i>87</i>

Биография в документах. Архивы

- А.Н. Артизов, И.Ю. Молодова.* Проект Росархива «Жизнь и творчество А.И. Солженицына в архивных документах» 101
- Т.М. Горяева.* Документальное наследие А.И. Солженицына в РГАЛИ: история формирования и научного изучения 105

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

*Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
11–12 декабря 2018*

Из новых разысканий

- В.А. Мазаев.* Солженицын на войне: новые документы и факты 120
- Т.В. Левченко.* Некоторые неизвестные материалы 1963–1972 годов к биографии А.И. Солженицына 135
- Л. Амберг.* Скрещение судеб. О роли Восточной Пруссии в жизни и творчестве А.И. Солженицына 146

Художник и историк

- М.С. Высоков.* Проблема демографической цены коммунистического эксперимента в России на страницах книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» 156
- Е.Ю. Михайлик.* «Архипелаг ГУЛАГ»: «взаимно искажая отраженья» 165
- М.Г. Смольянинова.* Александр Солженицын – художник и исследователь русской истории 178
- М.Е. Федянина.* «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына как основа постсоветской цивилизации: взгляд из новой антиутопии 188
- Е.Г. Бальзамо.* Возвращение к истории. Историк или «свидетель»? К вопросу об оценках 196
- Е.В. Жуйкова.* Точка зрения царя и его окружения на события Первой мировой войны в эпопее «Красное Колесо» 204
- Н.М. Щедрина.* Роль заключительных глав «На обрыве повествования» в концепции «Красного Колеса» Александра Солженицына 216
- Ф. Лесур.* «Дневник “Красного Колеса”» как мастерская романа 228
- Е.В. Иванова.* Следственные дела и современные методы их использования 242

От первого лица. Публицистика

<i>В.В. Борщев.</i> «Жить не по лжи!» – призыв к нравственной революции. Личный опыт	251
<i>П.Г. Проценко.</i> Спорщики, критики, вешатели: советское и российское общества в отношении к Солженицыну	259
<i>А.С. Сопова.</i> Медийная публицистика А.И. Солженицына начала XXI века и ее роль в формировании общественного сознания и гражданской позиции в российском социуме	273
<i>А. Явдосюк-Малек.</i> О вечном и злободневном в публицистике Александра Солженицына: раскаяние и самоограничение как основы нравственной революции в жизни народов	280

Языковые стратегии. Поэтика

<i>А.М. Ранчин.</i> Поэтика наррации в «Одном дне Ивана Денисовича» (герой, рассказчик, автор)	292
<i>И.Е. Мелентьева.</i> Тайновидец революций: тема революции 1917 года и ее последствий в двучастных рассказах А.И. Солженицына	301
<i>Г.М. Алтынбаева.</i> Три Глеба Нержиных: к вопросу об эволюции творческого метода А.И. Солженицына	312
<i>К.Дж. Маккенна.</i> «Не море топит, а лужа»: паремиологическая роль русской пословицы в романе «В круге первом»	326
<i>В.Б. Заянчкаускайте.</i> «Физики и лирики»: Влияние философии и точных наук на языковую концепцию А.И. Солженицына	333
<i>А.Ю. Закуренко.</i> Экзистенциал Солженицына (метафизика воли у героев Солженицына)	346
<i>В.Ш. Кривонос.</i> На границе миров: онтология пространства в «Раковом корпусе»	356
<i>С.В. Галанинская.</i> «Крохотки» Александра Солженицына как продолжение жанровой традиции стихотворений в прозе в русской литературе. Некоторые аспекты	368
<i>А.В. Кубасов.</i> Интерференция природно-вещного и социального начал в «Крохотках» А.И. Солженицына	375

Литературные созвучия и отражения

<i>А.Е. Аркатова.</i> «Прощай, свободная стихия!»: пушкинские мотивы и аллюзии в киносценарии «Знают истину танки»	383
<i>И. Регеци.</i> Отклик чеховской поэтики в творчестве А.И. Солженицына ..	395
<i>М.М. Голубков.</i> «Бывают странные сближенья»: М. Горький и А.И. Солженицын в литературном пространстве XX века	405
<i>А.Ю. Сергеева-Клятис.</i> «Остановите сейчас вагон»: образ нарастающей революции в романе А.И. Солженицына «Красное Колесо»	

и романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»	416
<i>Л.Е. Герасимова.</i> «Идеологическое поле» А. Солженицына и «мысленный волк» А. Варламова	425
<i>Н.В. Ковтун.</i> Человек непокорный на фоне «кромешного мира» (на материале романа «Раковый корпус»)	435
<i>М.А. Васильева.</i> Новоградский читатель Александра Солженицына (рецепция Владимира Варшавского)	447
<i>Г. Пшебинда.</i> «Легче жить во времена, которые подарили нам такого писателя»: Творчество Солженицына глазами Густава Герлинга- Грудзинского	460
<i>С.Д. Серебряный.</i> «Один день Ивана Денисовича» и роман «Голодовка» (1973) бенгальского поэта Шубхаша Мукхопадхя (1919–2003)	475
<i>Чжан Сяочан.</i> Знакомство с произведениями А.И. Солженицына в Китае	488
<i>Чэнь Шусянь.</i> Один писатель, два поколения, три книги: (о переводах трех книг очерков А.И. Солженицына)	493
<i>Гуансюань Жэнь.</i> Преподавание творчества А. Солженицына в китайских вузах	505
<i>Ю.Е. Павельева.</i> Творчество А.И. Солженицына: инновационные средства обучения	510

Писатель в музее

<i>В.С. Яновский.</i> Солженицынские места Кисловодска: история и современность	518
<i>Г.А. Тюрина.</i> Москва Солженицына: карта экскурсионных маршрутов ...	533
<i>Е.Я. Жукова.</i> Современные цифровые технологии в музейном деле: музеи Александра Солженицына в Кисловодске и Москве	542

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
12 декабря 2018*

<i>А. Дель Аста.</i> Солженицын и Европа	548
<i>А.В. Урманов.</i> Образ будущего в исторической эпохее «Красное Колесо»	564
<i>А.Д. Шмелёв.</i> Языковое мастерство Солженицына как вызов переводчику	576
<i>П.Е. Стываковский.</i> Солженицын-метареалист	596
<i>М.Н. Кураев.</i> Почему надо экранизировать Солженицына?	603
Об авторах	613